

The illustration depicts a priest in a dark blue cassock with a white clerical collar, gently holding the face of a young woman. The woman, with long blonde hair and a white lace veil, has her eyes closed and is holding a rosary with a large ornate cross. The background is dark and atmospheric, featuring several lit candles on the left and a statue of a religious figure in the upper right. The overall mood is intimate and spiritual.

Ева Дамиано

Тень
ИСПОВЕДАЛЬНИ

его религия — ее послушание

18+

Ева Дамиано
Тень исповедальни. Его
религия - её послушание
Серия «Дарк романы
Евы Дамиано», книга 4

*<https://litres.ru/73780816>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Ава была воплощением невинности, пока не встретила Лоренцо. Он священник с душой искusstеля, человек, для которого правила существуют лишь для того, чтобы их нарушать. Его внимание — это яд, его прикосновение — приговор.

С каждым днем черта между наставником и господином стирается. Ава понимает, что попала в плен к монстру, но этот плен слаще любой свободы. Когда на её шее защелкнется стальной ошейник, пути назад не будет. Церковь объявит на них охоту, мир назовет это осквернением, но для них это — единственный путь к вечности.

Дарк романс, откровенные сцены 18+ и финал, от которого перехватывает дыхание.

Содержание

Пролог	4
Глава 1: Шепот греха	9
Глава 2: Таинство первой исповеди	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ева Дамиано

Тень исповедальни. Его религия - её послушание

Пролог

Ава замерла перед массивными дверями собора, и её ладони, втиснутые в карманы тонкого пальто, стали влажными от волнения. Эти двери, вырезанные из потемневшего от времени дуба и окованные железом, казались ей вратами в другой, суровый мир, где не было места её слабости.

Она сделала вдох, но холодный, влажный воздух застрял в горле. Каждый раз, когда девушка заносила руку, чтобы толкнуть тяжелое кольцо, пальцы предательски замирали в паре сантиметров от металла. Ей казалось, что стоит ей войти, и тяжесть этих сводов раздавит её, вытрясет наружу все те мелкие, постыдные страхи, которые она так бережно прятала внутри.

Она была слишком маленькой на фоне этой готической мощи. Её хрупкое тело в светлой одежде выглядело случайным пятном на сером граните ступеней. Ветер хлестнул по лицу, выбивая из-под капюшона целую лавину золотистых волос, и Ава судорожно попыталась умиротворить их, чувствуя

себя до боли нелепой и беззащитной.

«Уходи», — шептал внутренний голос. — «Тебе здесь не место. Бог не простит тебя, грешницу, незачем и молиться...»

Она уже развернулась, чтобы спуститься по ступеням и скрыться в тумане городских улиц, как вдруг за спиной раздался гулкий, протяжный скрип. Дверь приоткрылась сама собой, словно храм устал ждать и решил забрать свою добычу. Из образовавшейся черной щели пахнуло ладаном и могильным холодом.

Ава застыла, не смея обернуться. Ей почудилось, что из темноты за ней наблюдают чьи-то внимательные, не знающие жалости глаза. Страх сковал ноги, но любопытство — то самое, которое всегда губит невинных — заставило её сделать шаг назад, прямо в зев открытого собора.

Воздух в соборе Святого Иуды был на несколько градусов холоднее, чем снаружи, и запах стоял такой, будто само время решило здесь остановиться, законсервированное в аромате старого воска, холодного камня и векового ладана. Ава вошла внутрь, и тяжелая дубовая дверь с глухим стоном отсекала шум города. Ее шаги по мозаичному полу звучали слишком громко, почти кошунственно в этой гулкой пустоте. Она чувствовала себя крошечной под этими бесконечно высокими сводами, которые, казалось, вот-вот сомкнутся, раздавив её своей величественной тяжестью. Она поправила воротник своего светлого пальто, но это не помогло унять

дрожь. Ава всегда была такой — хрупкой, почти прозрачной, с лицом, которое незнакомцы часто сравнивали с ликами на старинных полотнах: огромные глаза, полные немого вопроса, и копна пышных, непослушных волос, которые никак не желали смиренно лежать под заколками, выбиваясь золотистым облаком.

— Вы ищете утешения или ответов, дитя мое?

Голос раздался из тени бокового нефа — глубокий, бархатистый, с хрипотцой, заставил бегать по ее коже горячие мурышки.

Ава вздрогнула и обернулась. Из полумрака вышел он.

— Отец Лоренцо, - представился он, оглядывая ее с прищуром дьявольски темных выразительных глаз. Ава забыла дышать. Ему было около тридцати, но в его осанке и взгляде чувствовалась древняя, почти пугающая уверенность. Он не был похож на тех благообразных старцев, которых она привыкла видеть в церкви. Его лицо казалось высеченным из мрамора: прямая линия носа, четко очерченные скулы и губы, которые, казалось, знали о грехе гораздо больше, чем подобало святому отцу. Черная сутана сидела на нем безупречно, подчеркивая широкие плечи и опасную грацию хищника.

Он подошел ближе, и Ава непроизвольно отступила назад, пока не уперлась спиной в холодную колонну. Падре не остановился, пока расстояние между ними не сократилось до опасного предела. Она почувствовала запах его парфюма — терпкий сандал и что-то еще, напоминающее о грозе.

— Я... я не знаю, — прошептала она, глядя снизу вверх. Рядом с ним она казалась себе еще меньше, еще беззащитнее. — Мне сказали, что здесь можно найти покой.

Лоренцо медленно опустил взгляд на её губы, а затем снова в глаза. В его темных зрачках не было смирения. Там горел холодный, расчетливый интерес. Он протянул руку, Ава затаила дыхание, и кончиками пальцев коснулся пряди её волос, выбившейся у виска. Его кожа была горячей, маняще живой на фоне холодного камня храма.

— Покой — это иллюзия для тех, кто боится своих желаний, — произнес он, и в его голосе промелькнула едва заметная усмешка. — Здесь вы найдете не покой, Авэлина. Вы найдете правду. Но готовы ли вы к тому, что правда окажется... тёмной?

Он произнес её имя так, будто пробовал его на вкус — медленно, по слогам. Ава почувствовала, как по телу прошла странная волна: смесь первобытного страха и запретного, жгучего любопытства.

— Вы знаете, как меня зовут? — едва слышно спросила она.

— Я знаю о вас гораздо больше, чем вы можете себе представить, — он склонился к её уху, так что его дыхание опаило кожу. — Я видел, как вы стоите у ворот. Я видел, как вы боретесь со своим светом. Вы считаете себя грешной... Но в моем храме много теней, Ава. И сегодня одна из них выбрала вас.

Он отстранился, оставив её одну в круге света от мерцающих свечей, но ощущение его присутствия осталось на её коже, как невидимый ожог. Лоренцо развернулся и исчез в глубине храма, оставив после себя лишь эхо своих шагов и обещание катастрофы, которую Ава уже не в силах была предотвратить.

В воздухе повисла тишина, тяжелая и порочная. Ава сжала кулачки у груди, часто и прерывисто дыша, не зная, убежать ей прочь, или... пойти за ним.

Глава 1: Шепот греха

Внутри собора Святого Иуды время застыло, превратившись в густую, пахучую смолу. Ава шла по центральному нефу, и звук её шагов казался ей оглушительным святотатством. Она чувствовала себя маленьким зверьком, забревшим в логово спящего исполина. Высокие стрельчатые окна, затянутые багровыми и синими витражами, едва пропускали умирающий свет дня, превращая его в длинные, кровавые полосы на холодном полу.

Она пришла сюда не из набожности. Скорее, это был жест отчаяния — попытка спрятаться от пустоты, которая поселилась в её душе после смерти матери. Ава надеялась найти здесь тишину, но тишина собора оказалась живой. Она шептала, давила на плечи, заставляя хрупкую девушку сжиматься еще сильнее.

Ава остановилась у ряда тяжелых дубовых скамей и присела на самый край, сложив руки на коленях. Её пальцы дрожали. Она попыталась сосредоточиться на распятии над алтарем, но её взгляд постоянно соскальзывал в густые тени боковых приделов. Ей казалось, что за каждой колонной кто-то стоит. Кто-то, кто видит её насквозь.

— Вы выглядите так, будто ждете приговора, а не благословения.

Низкий голос с безупречным итальянским акцентом раз-

резал тишину, как острый скальпель. Ава вскрикнула, прижав ладонь к груди, и резко обернулась.

Из тени исповедальни медленно вышел мужчина. В полумраке его сутана казалась чем-то демоническим. Падре шел неспешно, с той пугающей уверенностью, которая обычно присуща тем, кто привык повелевать, а не служить. Когда он остановился в нескольких шагах от неё, Ава невольно сглотнула.

— Вам не стоит бояться, - проговорил онс теплотой, приложив крупную, выразительную руку к груди. Ава, как завороченная облизала взглядом сеточку его вен, длинные пальцы...

Он был слишком красив для этого места. Красотой резкой, хищной, почти оскорбительной для святого места. На его лице, которому было не дать больше тридцати трех, не было и тени смирения. Темные глаза, глубокие и пронизательные, замерли на её лице, изучая каждую деталь: от расширенных зрачков до непослушной золотистой пряди, упавшей на лоб.

— Я... я просто пришла помолиться, — выдохнула она, чувствуя, как горячая краска заливает ее щеки, а внизу живота становится неловко жарко. — Простите, если я помешала.

Лоренцо усмехнулся. Это была не добрая улыбка пастыря, а едва заметное движение губ, от которого у Авы по спине пробежал холодок, на жестком контрасте с горячей тяжестью

в животе.

— Молитва — это разговор. Но я вижу, что вы молчите, — мужчина подошел ближе, она невольно отступила. — Ваше тело говорит громче ваших губ, Ава. Вы напряжены. Вы боитесь. Чего именно? Бога? Или того, что он вас не услышит?

Ава застыла. Ноги ее дрожали, запах мужчины окутал ее дорогим табаком, старыми книгами и едва уловимым ароматом мускуса, который никак не вязался с образом священника.

— Откуда вы знаете мое имя? — прошептала она, тщетно пытаясь вернуть себе самообладание. Но коленки подводили ее, слабея под его взглядом.

— В этом приходе мало тайн, которые могли бы ускользнуть от меня, — Лоренцо медленно обошел её кругом, словно оценивая товар. Его взгляд скользнул по её хрупким плечам, небольшой груди, по тонкой талии, осмотрел округлые изгибы девчечьей попки и задержался на копне её пышных, светлых волос. — У вас очень... эксцентричная прическа для этого места. Слишком много жизни в доме, где воспевают вечный покой.

Он протянул руку, и Ава зажмурилась, ожидая грубости, но почувствовала лишь легкое, почти невесомое прикосновение. Его пальцы, длинные и сильные, задели кончики её волос. Это длилось лишь секунду, но по телу Авы прошла электрическая судорога.

— Это... они сами по себе такие, — запинаясь, ответила она, не смея открыть глаза. — Я не могу с ними совладать.

— Неукротимость — это грех гордыни, — его голос стал тише, приобретая опасную интимную окраску. Он склонился к её уху, так что она почувствовала жар его дыхания. — Или признак того, что вам просто не хватало твердой руки, которая смогла бы усмирить этот хаос.

Ава открыла глаза и встретилась с его взглядом. В его глазах не было сочувствия. Там было нечто иное — властный, почти осязаемый интерес искусителя, который нашел свою идеальную жертву. В этот момент она поняла: этот дьявольский мужчина не собирался спасать её душу. Он собирался её изучить.

— Завтра в семь вечера начнется время исповеди, — сказал он, внезапно отступая назад и снова становясь холодным и отстраненным. — Приходите. Я чувствую, что вам есть что рассказать. И я обещаю... я буду очень внимательным слушателем.

Лоренцо развернулся, и его сутана взметнулась, как крыло огромного ворона. Он скрылся за алтарем так же быстро, как и появился, оставив Аву одну в пустом соборе.

Она сидела, не в силах пошевелиться, а её сердце колотилось о ребра, как пойманная птица. Воздух в храме стал тяжелее, и теперь в нем явственно ощущался запах его парфюма — запах, который теперь будет преследовать её в кошмарах и самых тайных снах. Она знала, что не должна возвра-

щаться. И знала, что завтра в семь она будет здесь.

Глава 2: Таинство первой исповеди

Весь следующий день Ава провела в тумане. Работа в цветочной лавке не клеилась: стебли ломались под дрожащими пальцами, а аромат роз казался слишком приторным, удушающим. В её голове раз за разом прокручивался низкий голос Лоренцо и то, как его пальцы едва коснулись её волос. Это было неправильно. Это было греховно. Но к семи часам вечера она обнаружила себя у тех самых тяжелых дверей, которые теперь открылись перед ней почти без сопротивления.

В соборе было темно, лишь редкие свечи бросали пляшущие тени на лики святых. Ава подошла к деревянной кабине исповедальни. Сердце билось где-то в горле. Она вошла внутрь, опустилась на жесткую скамью для колен и почувствовала, как со всех сторон её сдавила узкая коробка из темного дерева.

Скрипнула заслонка. Между ними была лишь тонкая резная решетка, но Ава кожей чувствовала его присутствие по ту сторону. Лоренцо не спешил начинать. Он ждал, наслаждаясь её сбивчивым дыханием.

— Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, — раздался его голос. В тесноте кабины он казался еще глубже, обволакивающим, как бархат. — Исповедуйся, дитя мое. Что тяготит твою душу?

Ава вцепилась пальцами в край своей юбки. — Я... я не

знаю, с чего начать, отец. Я чувствую... смятение.

— Смятение — это лишь маска для чего-то более осязаемого, — Лоренцо чуть сдвинулся, и она увидела сквозь решетку очертания его строгого профиля. — Ты думала обо мне сегодня, Ава?

Вопрос был подобен удару хлыста. Прямой, непозволительный, словно снимающий с нее одежду. .

— Я... — Ава запнулась, её щеки вспыхнули в темноте. — Это грешно — так спрашивать.

— Грех — это ложь перед Богом и собой, — отрезал он. — Я спрашиваю не как священник, а как тот, кто видит твою борьбу. Твои мысли были заняты моим образом? Моим голосом? Тем, как я коснулся тебя?

Ава закрыла глаза, её дыхание стало прерывистым. Она не могла солгать. Не здесь. — Да, — едва слышно выдохнула она.

— Хорошо. Честность — это первый шаг к подчинению, — Лоренцо сделал паузу, и Ава услышала шорох его сутаны. — О чем именно ты думала? Опиши мне. Ты представляла, что я сделаю, если мы снова окажемся одни?

— Прошу вас... — она почувствовала, как по телу разливается жар. — Это не то, о чем говорят на исповеди.

— Здесь говорят о самом сокровенном, — его голос стал жестче, в нем прорезались властные нотки искуителя. — Расскажи мне, Ава. Ты чувствовала страх? Или, может быть, то странное, томительное напряжение внизу живота, которое

ты так боишься признать?

Ава всхлипнула. Она чувствовала себя абсолютно обнаженной перед этой деревянной решеткой. Лоренцо играл с ней, как кот с мышкой.

— Я чувствовала... что я принадлежу не себе, — прошептала она, и эти слова сорвались с её губ прежде, чем она успела их обдумать.

За решеткой воцарилась тяжелая, заряженная электричеством тишина.

— Правильное чувство, — наконец произнес он. — Ты никогда не принадлежала себе. Ты просто ждала того, кто возьмет на себя ответственность за твою волю. Твоя невинность — это бремя, Ава. Ты хочешь, чтобы я забрал его?

Она не ответила, но её молчание было громче любого «да». Лоренцо внезапно протянул пальцы сквозь одно из отверстий решетки. Ава замерла. Он коснулся её подбородка, заставляя поднять голову.

— Посмотри на меня. Даже через эту преграду.

Она подчинилась. Сквозь узоры дерева она встретила его глаза — темными, властными, лишенными всякого сострадания. В них была только демоническая воля.

— Твоя епитимья на сегодня — не молитвы, — его голос стал опасно тихим. — Ты пойдешь домой и будешь думать о том, что завтра вечером ты придешь не в храм. Ты придешь к задним воротам особняка епархии. Ты будешь одна. Ты наденешь то, что легко снимается. Ты поняла меня, Ава?

Она вздрогнула от двусмысленности и прямоты его приказа. Это было безумие. Это было падение в бездну.

— Да, отец Лоренцо, — ответила она, и её голос больше не дрожал. В нем появилось странное, пугающее спокойствие человека, который только что добровольно шагнул с обрыва.

— Хорошо. Иди. И помни: я буду знать, если ты ослушаешься. Бог прощает, Ава. Я — нет.

Заслонка захлопнулась с резким стуком. Ава вышла из исповедальни на подк

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.